

сборник

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС КОЛОБКА

ТОВАРИЩЕСТВО ДОБРЫХ НЕКРОМАНТОВ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр Чумовицкий
**Золотой запас Колобка.
Товарищество Добрых
Некромантов представляет**

«Издательские решения»

Чумовицкий А. И.

Золотой запас Колобка. Товарищество Добрых Некромантов
представляет / А. И. Чумовицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930393-6

В книге собраны ранее неизвестные широкой читательской аудитории
альтернативные истории героев, про которых мы, казалось бы, с детства сами
всё знаем. А вот и нет, как выясняется теперь!

ISBN 978-5-44-930393-6

© Чумовицкий А. И.
© Издательские решения

Содержание

От составителя	6
Eilín O'Connor	7
Как всё было на самом деле	7
Михаил Вайнштейн (Fryusha)	12
Колобок 1. Начало	12
Колобок 2. Зима	13
Колобок 3	14
Колобок 4	15
Колобок 5	16
Колобок 6	17
Колобок 7	18
Колобок 8	19
Колобок 9	20
Колобок 10. Побег	21
Колобковый сонет	22
Возвращение Колобка	23
Бал	24
Золушка	25
Ноктюрн	26
Навстречу 8 Марта	27
Вещий Олег и Змея	28
Год Змеи	29
Драконоведение	31
Буратиноз	32
Снегурочка	33
Пиноккио	34
Крещенская история	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Золотой запас Колобка Товарищество Добрых Некромантов представляет

Редактор Александр Иннокентьевич Чумовицкий

Иллюстратор SergioNik & Pixabay.com

Корректор Елена Сергеевна Платонова

© SergioNik & Pixabay.com, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0393-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителя

«Человечество, забывшее своих Колобков, вынуждено будет кормить чужих»

Такой девиз украшает аккаунт, а также знамена, герб – и что там еще приличествует любому порядочному сообществу? – Товарищества Добрых Некромантов *kolobok-forever.livejournal.com*.

Почему именно Колобок стал заглавным героем, идейным вдохновителем и добрым гением Сообщества, где воскрешают сказочных и других, приравненных к ним, литературных персонажей?

По двум причинам. Главным образом, из-за идеальной формы, глубокого содержания и веселого непринужденного нрава этого героя.

Ну и, что менее существенно, но тоже сыграло определенную роль, – из-за того, что идея создания такой площадки для совместных игр и забав в Живом Журнале пришла в голову автору этих строк во время написания многотомного приключенческого романа-эпопеи «*Колобок в Новом Свете*». Который был благополучно заброшен уже на четвертой главе, зато Сообщество состоялось, а это гораздо важнее.

Сообщество объединило десятки авторов, создавших за восемь лет сотни текстов. Разумеется, не только о Колобке, в чем быстро убедится читатель этого сборника, в который вошла лишь малая толика архивов Товарищества. Добрые некрманты охотно воскрешают к новой жизни и других персонажей, либо погибших когда-то по злему умыслу их создателей, либо почивших в результате естественных причин – от старости или забвения. Главное условие Сообщества – чтобы самим авторам новых версий судеб и походов этих персонажей было искренне жаль – с детства и до слёз. А читателям чтобы было в результате интересно и, желательно, смешно.

В рамках интернет-сообщества такой результат, кажется, был благополучно достигнут. А если то же самое получится и в общении с новыми читателями, то будет, наверняка, и второй сборник историй, и третий...

Александр Чумовицкий

Eilin O'Connor

Как всё было на самом деле

– Масло забыла, – хмуро напомнил отчим.

Девочка покосилась на него, но промолчала. Она не забыла, а нарочно отставила в сторону, чтобы не растаяло раньше времени рядом с горячими пирожками.

Мать, вздыхая, наблюдала за ее сборами.

Волосы спрятать под шапочку, корзинку прикрыть...

– А, может, черт с ней? – не выдержал отчим. Девочка зло сверкнула глазами, но сдержалась. Бабушка говорит: не спорь с ним, делай молча.

Мать махнула рукой: ладно уж, пускай идет. Все равно, в последний раз.

Вещи давно были собраны, увязаны в тюки. Ружье отчима поблескивало в углу, начищенное перед продажей. Как он ни расписывал прелести их новой жизни, но в конце концов признал: одно в городе плохо – там не поохотишься.

Зато:

«Кабачки – не чета местному!»

«По праздникам уродов привозят на площадь. Жуткие – страсть! В вашей дыре таких и не встретишь».

«Улицы камнем выложены. Будешь по мостовым ходить, как королева! Не грязь месить сапогами, а в башмаках вышагивать».

Башмаками он ее и подкупил, подумала девочка. Бедная матушка...

Сама она носилась босиком по лесу до поздней осени. Бабушка ее приучила. Показала, какие опасности могут подстергать на безобидной с виду тропинке. Варила для нее по весне густой сок травы костень, которая растет в непролазных чащах. Сок пах остро, как разрезанная луковица. В чане он густел, ворочался, исходил тяжелым паром. Когда на дне оставалось с пригоршню, бабушка, чуть остудив, намазывала им девочке ступни, и кожа грубела на глазах.

«Будешь чувствовать лес, дитя мое. Ты здесь не чужая. Не то что некоторые».

Бабушка не называла имен, но девочка знала, кого она имеет в виду.

«Опять от нее воняет, как от козла!», – кричал отчим, когда она возвращалась домой. Мать суетилась: тише-тише, дорогой, тише-тише. Старуха немного выжила из ума, ты же знаешь. Вот, присядь, выпей пива...

Отчим недовольно смолкал. Девочка ухмылялась про себя, с наслаждением вдыхая едкий запах травы. Жаль, к утру он выветривался.

Всякий раз, когда мать доставала из печи противень, отчим был тут как тут. «Не пускай ее! Нечего девчонке шляться в такую даль!»

Я тебе не пушу, мысленно огрызалась девочка.

Каждый пирожок отчим провожал таким взглядом, будто хоронил.

– Слабая она, старая, – оправдывалась мать.

– А зачем на отшибе поселилась? – шипел он. – Собаку не заводит, дверь не запирает – щеколда на веревке, это ж курам на смех! Любой зайти может!

– Не бывает здесь чужих, милый...

– С нами пускай живет, раз старая!

Девочка помнила, как сладко пел отчим, предлагая бабушке перебраться к ним. У него сразу и покупатель на дом нашелся, из его приятелей-охотников. И как выверился, когда бабушка отказала наотрез.

С тех пор распускает гнусные слухи. Как выпьет в трактире, так начинает: мол, старуха совсем свихнулась: надеется, что к ней заглянет кто-нибудь из дровосеков, кто помоложе да посмазливее. Для того и оставляет дверь открытой.

Впервые услышав об этом, девочка пришла в ярость! Искусала бы паршивца, честное слово, да мать стало жалко.

Выйдя за порог, девочка задержала взгляд на острых пиках елей, воинственно торчащих над лесом. Деревья словно охраняли его. Волновались дубы, трава гнулась, серебрилась под ветром.

Неужели она видит это все в последний раз?

Девочка шла по тропинке, удерживая слезы. Мать обещала, что они будут время от времени возвращаться сюда из города. На два дня, а может, даже на три!

Она вытерла глаза тыльной стороной ладони.

Лес сочувственно шумел над ее головой: куда же ты, девочка моя? Отчего ты меня бросаешь? Я дарил тебе золотые лютики, крестил тебя в ледяной купели озера, баюкал скрипучими песнями сосен. Ты знаешь, как пахнет свежевывапавший снег, читаешь заячьи следы и с закрытыми глазами находишь дорогу домой. Ты никогда не боялась меня. Что станет с тобой в городе, где повсюду мертвый камень? Твое место – здесь.

«Матушка обещала возвращаться хоть иногда!»

«Ты же знаешь, этого не случится».

Девочка на миг остановилась, вдруг поняв, что будет делать. « Попрошу бабушку, чтобы разрешила мне остаться с ней!»

Но что та ответит?

В деревне все убеждены, что старуха любит внучку без памяти, но иногда в ее взгляде мелькает что-то странное... Она присматривается к внучке, словно к чужой, и не разговаривает с ней.

«Готовить умею, – мысленно перечисляла девочка. – В доме прибраться, дров принести, печь затопить – все могу. Постирать, подушки взбить, матрасы перетрясти... Все-все-все буду делать!»

Она ускорила шаг. Да, надо убедить бабушку! Только не ныть. Они поговорят как взрослые.

Бабушке наверняка тоже невесело оставаться одной!

Возле самой опушки ей показалось, что в кустах кто-то прячется. Ветка качнулась, и трава примята.

– Эй! Кто здесь?

Тишина.

У калитки обернулась. Нет, никого. Показалось...

Бабушка сидела в кресле. При виде внучки она отложила вязание, и грустная улыбка скользнула по ее губам.

Все мысли о «взрослом» разговоре вылетели из девочкиной головы. Она упала перед старухой на колени и горько зарыдала.

– Не нужно плакать, дитя мое. – Голос мягкий, но отчужденный. – Ты уезжаешь не навсегда.

– Б-бабушка... – девочка заикалась от рыданий. – Умоляю, разреши мне остаться!

– Что?

– Пожалуйста! Не прогоняй меня! Я научусь печь такие же пирожки, как мама! А сама ни одного не съем, богом клянусь, пусть у меня рука отвалится, если откушу хоть кусочек!

Ей послышалось, что бабушка назвала имя отчима.

– Она будет с ним счастлива! – всхлипнула девочка. – А я с ними – несчастна! Мое место здесь!

Она подняла заплаканное лицо к старухе.

Но что это? Бабушка улыбается? Смеется над ней, в такую минуту?!

– Не поеду! – выкрикнула девочка отчаянно. – Ни за что! Вы меня не заставите! В трактир наймусь, полы буду мыть... Я... Я...

Она уткнулась в подол и заревела. Кому она нужна в трактире!

Зашуршали юбки, скрипнуло кресло, и теплые руки с силой обняли ее.

– Чш-ш, дитя мое. Вытри слезы и посмотри на меня.

Бабушка встала. Девочка, шмыгая, следила за ней.

– Ты никогда не спрашивала меня про шапочку, – задумчиво сказала старуха.

– Я думала, это что-то вроде оберега. Ты ведь сама связала ее.

– Оберега? – Бабушка усмехнулась. – Пожалуй. Но отныне этот оберег тебе не понадобится.

Девочка недоуменно уставилась на нее.

– Настала пора мне кое-что тебе показать... – сказала старуха и выпрямилась во весь рост.

Лесоруб заметил девчонку еще на поляне. Еще бы не заметить, когда шапка видна изда-лека. Таскает ее круглый год, и зимой и летом. Говорят, всему виной чокнутая бабка. Пригрозила родной дочери, что лишит наследства, если малышка хоть раз окажется в лесу без этой красной штуковины на голове.

Он следил из-за кустов за девчонкой. Вылитая бабка в молодости! Родная дочь и та меньше похожа на старуху.

Ох и запах из корзины! Не то что живот, челюсть свело от голода, у него ведь с утра крошки во рту не было. А солнце клонится к закату. Если бы не боялся гнева старухи, отобрал бы корзинку у малышки – вот и ужин.

Он дождался, пока девчонка скроется в доме, и торопливо подбежал к окну, пригибаясь. Кажется, не заметили... Перегнуться через подоконник, схватить корзинку...

– Бабушка, почему у тебя такие большие глаза? – донесся до него писклявый голосок девчонки.

Большие, скажет тоже! Обычные старушечьи глазенки, узенькие, припухшие. Только цвет странный, желтоватый.

– Чтобы лучше видеть!

Услышав голос бабки, дровосек вздрогнул от неожиданности. Сиплый, страшный, как рычание.

– Бабушка, а почему у тебя такие большие уши?

– Чтобы лучше слышать, – так же хрипло ответили ей.

Дровосек осторожно заглянул в приоткрытое окно. От увиденного волосы на его голове встали дыбом. Матерь божья...

– Бабушка, а почему у тебя такие большие зубы?

Раздался глуховатый лающий смех, от которого дровосек бросило в ледяной пот. Святые угодники, спасите и сохраните!

– Да уж не для того, чтобы пирожки жевать!

Что-то ударилось об пол, послышался хруст, стон, и вдруг девочка завизжала – высоко, на одной ноте. Дровосек обхватил голову руками и съежился под окном. Бежать бы, но он не мог даже пошевелиться.

Визг оборвался. Его сменил хрип.

– Что... со мной... происходит... – девочка как будто выталкивала слова из глотки. Он не узнавал ее голос.

Снова крикнули – дико, нечеловечески – и наступила тишина. А потом что-то зашевелилось.

– Ахгrrrrr! – сказал один голос.

– Гrrrr-ар! – ответил второй.

Дверь распахнулась, и две фигуры появились на пороге. Желтые глаза уставились на него. Дровосек покачнулся и провалился в черноту.

Когда он открыл глаза, в синем небе над ним созревала луна. Было очень тихо. Дрожа и стуча зубами, дровосек поднялся, заглянул через окно и в свете луны разглядел на полу клочья серой шерсти.

На столике у окна стояла корзинка с пирожками. Дровосек икнул, попятился и кинулся прочь.

К полуночи он был совершенно пьян. Трактирщик только успевал подливать в его кружку. Вокруг собрался народ, одни кричали: «Брехня!», другие ругались: «А ну заткнитесь! Давай дальше!»

– А п-потом я вззз-зял топор и каааак рубану его! – Дровосек показал, как он рубанул волка. – Брюхо ему – хрясь! А оттуда бабка с внучкой!

– Живые?! – ахнул кто-то.

– А то!

– А шкуру-то с волка хоть снял?

– Да нн-ну ее! – махнул рукой дровосек. – Старый он б-был, п-п-п-плешивый!

В ночном лесу разгулялся ветер. С треском хлопнул незакрытый ставень, а в печной трубе свистнуло что-то лихо и весело.

– Она решила остаться у бабушки, – сказала женщина, испуганно прислушиваясь. – Я так и думала!

– Будешь навещать ее, – равнодушно ответил мужчина.

– Буду, – вздохнула она.

Ветер оборвал с деревьев отжившие листья и швырнул в озеро, поднял волну, разметал сухие ветки над медвежьей берлогой. Зверь выбрался наружу, доковылял до тропы и остановился, принюхиваясь.

Пахло знакомо. Он отлично помнил, что обладательницу этого запаха нужно обходить стороной. И медвежат учил: тронешь человеческого детеныша с красным лоскутом на голове – от тебя самого только лоскут останется, это каждый в лесу знает.

Медведь свернул с человеческой дороги и скрылся в чаще.

Мужчина и женщина в доме подтаскивали тюки к двери.

В трактире пили и гоготали. Дровосек храпел, уткнувшись в соседа.

Где-то вдалеке выли волки.

Две серые тени мчались через лес, по ночным холмам, под огромной луной – золотой, как кусок тающего масла.

Михаил Вайнштейн (Fryusha)

Колобок 1. Начало

Излепила бабуля его – и без рук, и без ног —
Ничего, это так – приключилась лихая эпоха.
Тридцать лет и три ночи лежал на печи Колобок
И учил свой урок – что такое отчаянно плохо.

Ходит нищий в село – и стучится в ворота клюка:
«Жду-пожду я куска, дожидаясь хоть малого чуда».
И выносит бабуля ему на руках Колобка:
«Плесень там на боках – соскребёшь и валите отсюда».

Положил его нищий в котомку – суму по уму,
За околицу вышел – воткнул ему веточки-ноги:
Хоть пруток невелик – не велит он валяться в дому,
Хоть и хром батожок, а не хром – сапожок для дороги.

Нам катиться с тобой далеко-далеко-далеко,
Где калик перехожих никто никогда не обидит.
Вот из чаши выходит зверьё – и ему нелегко.
Вот безглазой посмотрим в глаза. А она и не видит.

Колобок 2. Зима

С крыши свисает сосуль бахрома,
в небе клубятся дымы —
самое время мести закрома
или занять у кумы.

Дед надевает большие пимы,
ходит курить на балкон,
где, согревая пространство зимы,
стынет его самогон.

Дед выпивает для пробы глоток
и, расслабляясь слегка:
– Вольному воля! Вали, Колобок,
да поминай мужика!..

След беглеца, различимый пока,
пересекает лыжню.
Не догоню я уже Колобка.
Деда ещё догоню.

Колобок 3

На память завязан вещей узелок,
Котомка надета на плечи.
Куда ты уходишь, дружок колобок?
Далече, далече, далече.

Здесь в дыме домашнем висят топоры,
Здесь в чаде теряемся – где мы?
А где-то катаются в масле сыры —
Эдемы, эдемы, эдемы.

Там сливки намазаны по облакам,
Там чаем заполнены трюмы,
А по кабакам раздают колобкам
Изюмы, изюмы, изюмы.

Я встану с утра, петуха разбужу
И сонную чмокну подругу.
И за колобком от себя ухожу —
По кругу, по кругу, по кругу.

Колобок 4

Бог лепит игрушку – комок глинозёма.
Вдохнул в него душу: катись, Колобок!
История кома из книжки знакома —
Чего он не дома, куда он утёк.

Вот это – Зайчиха, вот это – Волчица,
Вот это – Медведицы пышная статья.
А вот Колобок, что по улице мчится,
Как будто Лисицу желает застать:

– Горячей губою целую ресницы,
Когда я с тобою – не чувствую ног,
Играют гобои и музыка снится,
О боже, какой у тебя язычок!..

Колобок 5

Висит на заборе уже две недели —
Четыре недели! – бумажный листок:
Ужасное горе! Мучное изделие
От нас убежало, пропал Колобок!

Такой ароматный! Такое печенье!
Так много изюма! Так много желтка!
Верните обратно за вознаграждение,
Несите скорее домой колобка!

В сплошном перегаре ужасные хари
В каком-то кошмаре несут узелок.
Скорее развяжем – там бедный сухарик,
Усталый сухарик, родной Колобок.

Колобок 6

Мы в путь бросаемся сгоряча,
Из дома – и наутёк.
Дорогой жёлтого кирпича
Покатится Колобок.

Земля прекрасна – сойти с ума!
Блестящ окоём реки.
Таращатся вслед Колобку с холма
Забывшие старики.

До сладкой дрожи красив атолл,
До боли красив коралл.
Как много всё же ты приобрёл!
Как много ты потерял.

О чём-то мы позабыли все,
Пока Колобок красив.
Присядь поближе к своей Лисе —
Напой ей смешной мотив.

Колобок 7

Стали в охотхозяйстве гадать – отчего в лесу зверей умяется?
Послали разбираться самого опытного егеря – Петровича.
Вот Петрович заходит на опушку, а из тёмного леса навстречу ему толпой колобки вых-
дят.

И, главное, кто в чём – хуже французов при зимнем отступлении.
На одном тулупчик заячий. На другом – горжетка из лисы. Ну, и так далее.

Вот в охотхозяйстве поволновались-поволновались, да и послали егеря Васильича.
Заходит Васильич на опушку, а встречь ему колобки толпой. Кто в чём.
А на последнем, самом мелком, нахлобучен треух Петровича.

Колобок 8

Колобок торопился по рыхлому грязному снегу – пока дед с бабкой не погнались – и с разгону не заметил, как тропинка за поворотом привела в Год Зайца. Дорогу заступили сразу двое – в бронжилетах, зимнем белом камуфляже, в ушастых шапках.

– Стой! Куда! Документы!

Врать надо, выкручиваться, сообразил Колобок, а то такие сожрут – не поперхнутся.

– День добрый, братцы!..

«Или это к кроликам надо обращаться „братцы“? Ну, всё равно, отступать уже некуда».

Колобок сделал глубокий вдох.

– Товарищи офицеры, я – местная Третья Голова, только документов у меня при себе нет: они у старших голов.

У зайцев слегка отпали челюсти.

– Какая ещё третья голова? Типичный колобок.

– Ну, внешность – да. Мало спортом занимаюсь, это верно. Нас у Змея-Горыныча три головы. Старшая, средняя, а я – младшенький. Вот недавно мы посоветовались и обженились, свадьбу все трое разом сыграли. Старший наш – на Василисе Премудрой, средний – на Елене Прекрасной, а я на Марьюшке Искуснице.

– А как же вы?.., – слегка окосели зайцы.

– Ну, понятное дело, по очереди. Двое спят по-честному, с сонным зельем, а у третьего – свадебная ночь. Только жёны-то братьевъёв всё одно на меня запали: старшие-то головы старые да плешивые и в мужском деле почти что всем потенты, а я молодой да весёлый, много чего могу. Вот братьевъя сговорились, мне в бражку клофелинчику и подсыпали. А как я заснул, они мне голову и отрубили. Пропал бы я совсем, загинал бы, как пить дать, совсем бы загинал. Пропала моя буйная головушка. – Колобок натурально всхлипнул. – А только Василиска Премудрая с Ленкой и Машкой подговорились, братским головам колыбельные напели, а как они уснули – тут меня живой водой и реанимировали. Вот теперь в Склифосовского качусь, пока силы есть, да пока братья не проснулись. Ребята, вы меня на оперативной машине не подберите, а?

Зайцы оторопели от такой наглости.

– Вишь, машину ему! А ну катись, пока голова цела, а то ведь мы и ускорение придать можем!..

Сопровождаемый гиканьем Колобок помчался по рыхлому грязному снегу дальше.

Зайцы остались за поворотом. Зато впереди под раскидистой елью замаячила серая фигура волка.

Опять врать придётся. Колобок вздохнул и выпятил вперёд тот бок, на котором родинки-изюминки образовывали что-то вроде татуировки. Главное – инициативу сразу в свои руки взять.

– Братан! Серый! Меня смотрящий послал узнать: ты ничего вобщак сдать не забыл?..

Колобок 9

Бабка задним двором пошла к берегу. Даже издали было слышно, как она голосит:
«Не хочу больше быть народом, хочу быть представителем народа в думе!»

Дед опять наловил морской травы и накурился. Не обращая внимания на доносившиеся вопли, он стоял в углу и таращился в телевизор. Телевизор был древний, перестроечных времён, красивее всего на нём смотрелись кружевная салфетка и вазочка «Привет из Сочи!». Дед увлечённо прикладывал свой рейтинг к экрану – сверял с телевизионным.

Колобок тяжело вздохнул. Внутри у него ещё всё горело после разговора со стариками. Он медленно остывал. А с другой стороны, думал он, чего от них другого ждать и требовать – у них даже официально «возраст дожития». Куда им! То ли дело – мы, молодые: у нас всё впереди: здесь не устраивает – катись куда хочешь. Он осторожно выглянул из окна.

Под окном курочка Ряба яростно доклёвывала остатки предыдущего неосторожного Колобка. Вороватые воробьи, переговариваясь на своей фене, подсакивали и пританцовывали на почтительном расстоянии. Спугнутая на берегу бабкой, прилетела чайка и уселась на стрехе, завистливо посматривая на курицу. Нечего примеряться, бормотала курица, моя это крыша, я здесь хозяйка, ступай себе на свой занавес в МХАТ. А то я деду скажу, он тебя быстро из чаек выгонит. А я ему – яйцо, не простое, а нефтяное...

Да-а-а, думал Колобок, мимо курицы – это вам не мимо медведя... Хорошо бы летучий корабль. Сам, конечно, не построю, но, может, куплю. Корейский или голландский. Или сейчас все летучие корабли в Китае делают? Он обвёл взглядом своих изюминок избу: что ещё осталось на продажу?

Колобок радостно катился вперёд по тропинке, распевая во весь ванильный дух:
– Я от дедушки ушёл!
Я от бабушки ушёл!
Я от курицы ушёл!..

Курочка Ряба угощала слетевшую со стрехи под окно чайку дедовским самогоном от Колобка. Пей, душа моя, радостно клекотала она, давай, я сегодня добрая! Эй, пацанва, махала она крылом воробьям, эй, залётные, давай налетай: раз живём – раз гуляем!

Колобок 10. Побег (подражание классике)

Чёрен ворон над серым дымом,
Чёрным бархатом ночь черна.
Быть не съеденным, а любимым —
Просто броситься из окна.

В лёгком сердце – страстей беспечность,
Страх без печки – судьба и рок.
Лёгкой сдобой – побегом в вечность
Задыхается Колобок.

Тёплый ветер, твоё дыхание
Как глазурь на моих губах,
Где леса и лиса – мечтанье,
Жизнь – гадание на бобах.

Страшен мир, если сердцу тесно —
Сладок в нём поцелуев бред.
Топка искры слагает в песни —
В торопливый побег комет.

Колобковый сонет

Как лист увядший падает на душу
Уныние планеты Колобка.
Я круглый идиот: качусь и трушу,
Пока трусится белая мука.

Есть разница в «Прощай!» или «Пока!»,
Когда корабль покидает сушу,
Левиафан повёртывает тушу,
Играя туш последнего гудка.

Таможенные стражи на контроле
Хотя б для вида посмотрели, что ли,
Подкручивая пышные усы.

Зубная щётка и обмылок мыла,
Воспоминания о том, что было мило,
И новенькие песни – для лисы.

Возвращение Колобка

Здравствуй, милый роддом!

– пуповина овина и тына —

В горле комом знаком и с пригорка уже недалёк.

Накрывайте столы! Возвращение блудного сына.

Накрывайте столы! Возвращается ваш колобок!

У хозяина дач за забором удачна скотина,

К ним не скоро палач, до мороза питание впрок.

– Здравствуй, тёртый калач!

– сквозь штакетник орёт буженина. —

Да минует беда бедуина тебя, колобок!

У чужих ни кола, ни двора, ни шатра, ни сарая,

А у нас, как вчера – колокольни вздымают зенит,

А пока нам пора – комбикорма до самого края.

А и дед со стаканом – и челюсть в стакане звенит.

Бал

Золушка прикатила на бал в тыкве – вся чумазая и перепачканная сажей – и в отрепьях. Восхищённый принц тут же пригласил её танцевать, не обращая никакого внимания на наряженных и намакияженных мачехиных дочек.

Ну и правильно!

Надо же думать, как правильно собратся на бал. Всё-таки, бал-то – не новогодний, а Хэл-лоуин.

Золушка

Королевство не меряно, красавицы не считаны, а мздоимство такое, что ежели чего сам не сделаешь, а кому поручишь – считай пропало.

Поэтому принц сам ходил от дома к дому с хрустальной туфелькой, стучался и...

– Мадемуазель, прошу вашей ноги!..

До руки и сердца так и не дошло.

Золушка дремала в кресле у очага, когда в дверь постучали.

– Кто там?

– Госпроверка, откройте!

– Дёрните за верёвочку, – сказала Золушка, – засовчик поднимется, и дверь откроется.

Дверь открылась, и – ах! это был принц! Кудри уже, конечно, слегка порастрепались и поседели, румянец от щёк переполз на нос – и всё же это был он!

– Мальчик мой, – растроганно сказала Золушка, – как же ты долго меня искал!

Принц побледнел, узнавая Золушку, но – порядок есть порядок – похрустел хрусталём и произнёс дежурную фразу: – Мадемуазель, вашу ножку, пожалуйста!

– Да уж какая мадемуазель, – махнула рукой Золушка, – уже давно вовсе маркиза Бура-тино де Карабас.

Принц качнулся, но она поспешила подставить стул, на который он плюхнулся, и быстро добавила:

– И давно уже безутешная вдова.

И высунула из-под кринолина изящную артритную ножку.

Ноктюрн

Ночные облака разошлись, и в центре тёмного небосвода нагло и пугающе нависла гигантская бледная луна. Вокруг неё – к морозцу – отсвечивал серебристый круг, а внизу простирались чёрные в ночи поля и белеющая между ними бесконечная дорога.

Если бы сейчас в городке проснулся хоть один обыватель, а ещё и догадался выглянуть в окно с биноклем, то увидел бы три уходящие из города фигуры. Они уже были далеко, казались маленькими, но их ещё можно было различить и узнать.

Слева шёл кот Бегемот. Справа шёл кот Базилио. А между ними шёл человек в хитоне. Тихим голосом, слегка жестикулируя, он что-то рассказывал. Уши котов стояли торчком, хвосты безвольно висели сзади – коты внимали словам Учителя про Блистающий мир.

С высокой горы их провожали взглядами Воланд и ставшая от горя ведьмочкой лиса Алиса.

– Мессир, – бормотала Алиса, – ведь как родного! Кормила, поила, блох вычёсывала... – Она отвернулась и тихо заскулила.

– Не надо, – сказал Воланд. – Они сами выбрали свой путь. Оттуда никто ещё не возвращался. По крайней мере – целиком.

А Куклачёв уводил котов всё дальше и дальше.

Навстречу 8 Марта

Алёнушка выскочила в сенцы, погрокала вёдрами. Бадьи надёжнее, зато оцинкованные легче. Прицепила к коромыслу, побежала за молоком.

Погода за ночь переменялась. Не зря солнце красное в тучу садилось, а братец Иванушка рогами упирался, не хотел в стойло идти. А она-то на медовуху думала.

Потеплело. Кисельные берега чавкали под ногами. Вдоль по кромке выпал творожок. А по самой середине, поднявшиеся со дна и раздувшиеся, плыли трупы врагов.

Опять дети без молока к каше! И куда Онищенко смотрит!

Дети уже встали ни свет ни заря, достали из сараюшки мужнины сети и с криками и гиканьем отлавливали утопленников. Самый младший уже понёсся барабанить в дверь, будить отца: «Тятя, тятя!..».

Алёнушка даже чертыхнулась. И этот хорош, не мог запереть сети, как надобно. Она повернулась и пошла к дому – сейчас у неё все получают. Всем даст. Детям – каши, братцу козлу – тех ещё кренделей, чтоб не выступал, мужу – что заслужит.

Вёдра, уловив настроение хозяйки, молча и послушно, без всякого щучьего веления, тихо семенили на пару шагов позади.

Вот дети вырастут, мечтала Алёнушка, выгоню этих козлов, обоих, и буду жить-поживать бабой Ягой, сама по себе. Вот счастье-то!

Вещий Олег и Змея

Не едет без коня телега,
Не ходит воин без кирзы.
Был Год Змеи, когда Олега
Убил укус змеи гюрзы.

А просто до варяг из греки
Он шёл курортным дикарём.
(Ночь, улица, фонарь, аптеки —
Не то в аптеке мы берём!)
Вьетнамки он купил у фавна,
Обул себя – и вот финал!
– А от тебя, Змея, подавно!.. —
Олег воскликнул – и упал.

А что же именно «ПОДАВНО»?
Олега зная, мы о нём
Гадаем: то ли, что исправно
ДАВНО кормил её конём?
Иль ПОДАВИТЬ хотел он змея
Своей самбистскою ногой,
Давно и КМС имея,
И чёрный пояс дорогой?
А может: – ПОДАВИТЬ икрою?.. —
Сидим на тризне у костра,
Друг другу говоря порою:
И на фига змее икра?

На тризне между всяким прочим
Не только пьём, но и поём:
Мол, змейтесь нам кострами, ночи! —
При этом каждый – о своём.

...Стоит курган на кромке берега,
Лишайник словно чешуя,
А на верхушке – герб Олега:
Крутая рюмка и змея.

У москвичей же на иконе
Иначе сочинён финал:
Егорий!
В сапогах!
На кОне!
И в змея палкою попал!

Год Змеи

Иван-царевич нёс лягушонку-царевну домой и сумлевался.

– А ты точно уверена, что обернёшься? – выпрашивал он. – А то смотри, я на зоофилию не подписывался. Может, тебе лучше на эксперименты на биофак в МГУ или вовсе в разведшколу? В разведшколе крутая карьера была бы с твоими-то способностями. Или, опять же, в кунсткамеру? Работа через день, знай интервью давай да автографы надписывай.

– Не сомневайся, Иван-царевич, – ответствовала лягушка. – За предложения твои благодарствую. А только я заветное слово знаю, это пароль такой – и пин-код тоже. И в красну девицу оборочусь, но только после ЗАГСа.

Тут Иван-царевич начинал волноваться сызнова, но уже иначе.

– А в красну девицу – это что значит? Красная – распрекрасная или красная, как после бани? Или вовсе как какая старушка из эюгановских? Тебе годков-то сколько?

– Да ну тебя, Ваня, – смущалась лягушка. – Какая может быть старушка, когда лягушки столько и не живут. Это мы только до свадьбы, в невестинский период голенастые, прыщавые да зелёненькие, а там уже распрекрасные.

– А точно знаешь? – тревожился Иван. – А как ты можешь точно знать, ежели до сих пор ещё ни разу не перекидывалась? А давай сейчас попробуем! А сколько лягушки живут? Про малюток тоже уговору не было, я вам не педофил какой..

И он пытался осторожно, чтобы лягушка не заметила и не обиделась, рассмотреть поподробнее её анатомическое устройство.

Свадьбу оформили безо всякого венчания. А то церковники сразу такие запросы на пожертвования заломили, что – мама дорогая! Опять же юристы присоветовали на свадебной стороне не заострять, потому что не все иностранные державы такие браки одобряют. Так и оформили: контракт на ведение общего хозяйства при создании ячейки общества со взаимным оказанием различных услуг и с обязательствами о недопущении аналогичных с конкурентными третьими сторонами.

Со стороны жениха присутствовали сплошь официальные лица и ближняя родня.

Со стороны невесты – немногие одноклассники-коллеги: ведьма на метле, лоллипоп верхом на палочке да колобок своим ходом. Молодой новобрачный с особым подозрением на лоллипоп смотрел: и какого он роду, и не могло ли у него прежде чего с невестой быть.

– А может, прямо сейчас обернёшься? – тихо упрасивал он на церемонии. – Я для такого случая даже поцеловать могу.

– Да ну тебя, Ваня, не смущай, – розовела новобрачная. – Я же даже не одета, перед гостями неудобно будет. Вот к ночи останемся вдвоём – вот тогда.

В ночь Иван в красивых свежекупленных свадебных трусах с сердечками сидел на краю кровати и ждал. А молодая бормотала пароли и ударялась о пол. Что-то там не заладилось с паролем. Или пин-код завис. Уж в кого она только не обращалась – а всё не то! Последним вариантом стала змея Скарапея.

– А вот уж такого я от тебя точно не ожидал... – сонно бормотал Ванька, отвернувшись носом к стенке полатей и давно уже примерившийся спать. На полу валялся том «Зоологии позвоночных», раскрытый на разделе «Строение нижнего плечевого пояса лягушки».

Жена ползала по квартире и шипела.

Драконоведение

На специально отведённой драконом лужайке рыцари тузили друг друга.

– Вали отсюда, однозначно! Я тут первый на поединок с драконом! – вопил Пёстрый рыцарь.

– Ты!? Да я твою бабушку! Большим пенсионом! – огрызнулся Красный рыцарь.

Под кустом плакал Белый рыцарь, которому уже накостыляли его сотоварищи.

Время от времени они отрывались от потасовок и нестройно выкрикивали:

– Дракон! Выходи на свой последний бой!

Толпа мальчишек и обывателей, обступившая лужайку, побадривала их воплями и топотом, а временами скандировала:

– Чес-сных по-е-дин-ков!..

Дракон в пещере нервничал.

– Вот ведь уже и не в первый раз, а, всё равно, как-то стрёмно. Так, гномы, собрали всё остатнее золото пещеры, всё, что ещё не вынесено, – и быстренько-быстренько ко мне в тридевятое, в мой кощеевый сундук! Ха, представляешь – врываются в пещеру – а тут ни копеечки! Где всё? В стабфонде. Где стабфонд? В тридевятом царстве...

– Да, ладно, Ваше Вашество, не впервой ведь. Ну, кто в пещеру ворвётся? Никто и не ворвётся.

– Сам знаю. – Он приблизил голову к выходу пещеры и гаркнул наружу: – Второй рыцарь подкуплен гоблинами!

Потом высунул одну голову через верхнее окошко и осмотрел горизонты. Видно было как молчаливо и энергично катятся по дорожкам и улепётывают из государства молодые горячие колобки.

Дракон вздохнул, пещеру заволокло дымом.

– Вот шумят, лишь бы в пещеру попасть! А по-государственному и не думает никто. Ведь разбегутся колобки, усугубят экономический кризис. Эй, кто там, распорядитесь ослабить качество образования колобков и их здравоохранение – чтобы никто и до границы добежать не мог и там не сгодился. Развелось колобков, блин! – и он облизнулся всеми тремя головами.

Буратиноз

Буратино снова лежал на поверхности того же пруда и меланхолично постукивал пятками. Расходящиеся по воде круги колыхали листья кувшинок и будоражили лягушек.

– А-а-а, – время от времени ныл Буратино, – вот промокну, сгнию на корню, и никто не поплачет над моими гнилушками... А-а-а, бедный-бедный мой папа Карло, а-а-а...

И он от жалости к себе шмыгнул предательски сыреющим носом.

Если честно, то папа Карло за эти годы уже скончался и был похоронен на Ваганьковском. Вот кто бы мог подумать, что папу Карло – и на Ваганьковском! Нет, всё-таки, лучше жить стали.

Буратино невольно припомнил минувшие годы. Сначала были лихие 90-е. Тогда Буратино увёл у Карабаса театр, раскатывал в красном кабриолете и распевал во всё горло: – И р-одина щедр-о поила меня бер-ёзовым соком! Бер-ёзовым соком!..

Чего там, даже Артемон ходил с золотой цепью.

А потом пришли нулевые годы.

Предписания пожарников – купить вместо деревянных сидений металлические – в рекомендуемой фирме Дуремара.

Предписания антитеррористов – купить ограду с видеокамерами – в рекомендуемой фирме Дуремара.

Предписания соцстраха – всем пройти платный медосмотр в пиявочной клинике.

Предписания энергетиков – купить вместо обычных лампочек ртутные в фирме Дуремара.

Вот так и пришёл экономический кризис.

Пьеро ушёл работать в «Кривое зеркало» Петросяна.

Артемон служит кошкой у Куклачёва.

Оставалось хоть самому с головой в омут! Что Буратино и сделал, надеясь на свою пла-вучесть и Тортиллину щедрость.

– А-а-а, – заныл он ещё громче и заколотил пятками по воде.

Несколько лягушек прыгнули с листьев и поплыли прочь, перекваживаясь шёпотом. До Буратино донеслось: «... черепахи...». Он приободрился.

На деревянную грудь Буратино вскарабкался лягушонок. Маленький, он торопился сообщить новости.

– Сейчас черепаховая помощь подоспеет, – доверительно сообщил он, – добрые услуги.

– Тортилла? – спросил Буратино, чувствуя, как его рот расплывается в улыбке до ушей.

– Не, пруд у нас муниципальный, так что оказание услуг проходит через конкурсные торги по ФЗ—94. А конкурс на оказание услуг выиграла фирма господина Дуремара «Черепашки Ниндзя». Вон они уже идут...

Снегурочка

Снегурочка в накинутом халатике сидела перед зеркалом и приводила себя в боевую готовность. Правый глаз уже был большим, ярко голубым, сверху ещё притенён голубоватым в тон – и обрамлён длинными пушистыми ресницами золотисто-пшеничного цвета. Левый глаз пока был без линзы, не покрашен – так, точечка.

Снегурочка вздохнула. Это дед Мороз – настоящий (ещё бы, такая ответственность!), а в снегурочки берут девушек из эскорта. Тут тоже ответственность не меньшая: старик – древний склеротик, а вручать придётся детям и внукам ого-го кого! Она ещё раз бегло глянула на лежащий перед зеркалом список: Абрамович, Прохоров, Дерипаска, живущие как бы на зарплату лидеры... При таком раскладе если у деда мешок с подарками потырят, весь мировой рынок рухнет.

Входная дверь хлопнула – и снегурочка натренированным движением выдернула пистолет из кобуры, закреплённой на бедре выше шёлкового чулка.

В комнату, пыхтя и отдуваясь, ввалился дед Мороз. Кинул шапку на пол, грякнул посох в угол.

– Ну что это! – пожаловался он. – Разве это погода? А где снег? Я им в Гидрометслужбу звоню, договор же заключили, а они мне – стопроцентную предоплату!..

– Да успокойтесь вы, – равнодушно сказала Снегурочка, возвращаясь к прежнему занятию. – Вам же сказали, всё будет. Всё договорено и заплачено дополнительно, сверх официального контракта.

– Ну, может... – дед Мороз сел на диван и откинулся к стенке. – Вот вроде и в который раз, а всё волнуясь, расслабиться не могу. А вот, слышь, как тебя, Сантаклаусовна, окажи уважение старику. Не могла бы ты мне поскрести по сусекам...

– Мужчина, не забываетесь! – строго сказала Снегурочка, не отрываясь от макияжа. – А то ведь я на возраст не посмотрю, могу и пяткой в лоб.

– Не, я ничего, – слегка струхнул дед. – Это, внучка, слово приличное, просто старинное, не подумай чего. Я просто вот чего: не могла бы ты мне испечь Колобка? – тут он снова испугался. – Колобок – это такое изделие хлебобулочное волшебное, которое песни поёт оборотительные.

– Про Колобка знаю, – сказала Снегурочка, проверочно хлопая ресницами себе в зеркало, не слипаются ли. – Мультик смотрела. Это можно попробовать. – она включила микрорадио: – Третий, третий, это вторая! Узнай, нельзя ли подвезти к первому через полчаса певца. Ну, нужен. Допинг такой психологический. И чтоб оформлен был как Колобок. Ага, традиция такая. Ещё заодно, это уж от меня: глянь, что там на древней фене слово «сусеки» означает. Да? Уверен? Ну, ладно, отбой...

Пиноккио

– Пиноккий Карлович Пиноккио. Пинок-кий. Кий, – Карабас Барабас оторвал глаза от документа и ещё раз обшарил взглядом фигурку буратиноида в кургузой курточке и просторных спортивных трениках. – Отец Карл, стало быть, крестил. Отец Карл – человек со смыслом, просто так имён не даёт. Ты на бильярде играл? Как получается?

Буратиноид прижал руки по швам, вскинул подбородок и деревянным голосом отрапортовал:

– Не играл. Ни разу. Отец Карл говорил: пить, курить и играть в азартные игры – нехорошо.

– Гы, – Карабас Барабас коротко гоготнул. – Узнаю брата Карла: играть в азартные игры – опиум для народа, – он обернулся – стоящая позади полукругом труппа артистов молчала, шутку никто не оценил.

Барабас посерьёзнул.

– Ну, не скажи. Бильярд – игра очень даже полезная, и глазомер развивает и вообще. Очень даже денежная, если со смыслом играть. Только кий надо чувствовать, чтобы как живой, понимаешь? – он ещё раз всмотрелся в стоящую перед ним фигуру.

– Понятненько. Карлуша игр не любит, у него другие увлечения есть. Гы. – Барабас, не поворачиваясь, поманил пальцем стоящую позади Мальвину. – Ты с новеньким ещё раньше знакома. А скажи-ка мне, Мальвиночка, о нём всю правду.

Мальвина подошла и зашептала на ухо.

– Да и говорить не о чем, – передёрнула плечами. – Так, полено бесчувственное, мелкосучковатое. Хотя... – она оживилась и зашептала Карабасу в самое ухо, щекоча его своим дыханием, – когда хвастает или врёт, то у него нос возбуждается и растёт в размерах. Правда, правда!

– Ноос? – недоверчиво протянул Карабас Барабас. – Нос есть орган нежный, более для шмыганья пригожий, чем для чего другого. Кий из носа – это навряд получится. Хотя, чего там, попробовать всегда можно, на бесптичьи и жаба – соловей. А ну-ка, подь сюда к столу, мальй. А теперь соври нам чего-нибудь.

Пиноккий промаршировал к столу, остановился перед ним – нос как раз на уровне столешницы – зажмурил глаза и начал:

– В предстоящем году увеличатся налоги, оплата за коммуналку, цены, оклады чиновников, – он распахнул глаза и резко закончил, – а инфляция упадёт до планируемого уровня!

Нос стремительно удлинился и заскользил по столешнице, раскидывая папки с бумагами и степлеры.

Карабас Барабас аж подпрыгнул.

– Молодчина! – заорал он. Нос остановился, немного не перейдя стол. – А ещё сантиметров пять можешь?

Пиноккий осторожно глянул поверх носа на работодателя.

– Могу. Про вас можно?

– Не будем переходить на личности. Работать придётся на публике. Так, чё-нибудь общее, никому конкретно не обидное, типа – под руководством мудрой партии Говорящих Сверчков трудолюбивые коты Базилии... Ну, я тебе потом на бумажке напишу – он ласково пощупал лежащий на столе нос Пиноккио. – А! Ведь могут же, когда захотят. Сам-шит! Палисандр, кокоболо и граб! Лучшая древесина! Да мы с тобой, парень, такие ставки по бильярдным клубам сорвём!.. – и Карабас Барабас суеверно постучал по дереву.

Крещенская история

От того, что тыква побывала каретой, рассудительно думала Золушка, хуже она не стала. Не бросать же её у дворца. Большая, сорт хороший – оранжевая, сладкая – на неделю каши достанет.

Тыква, конечно, была тяжёлой, но по прямой от дворца к домику было под горку, поэтому она легко катилась, оставляя в неглубоком снегу жёлоб и проскальзывая на пригорках.

Дома Золушка перво-наперво закатила тыкву в сарайчик, заперла щеколду – и поспешила к печке отогреть озябшие пальцы.

Кот лениво, не раскрывая глаз, подвинулся, освобождая самое уютное место, и приветственно захрапел дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.